

А.И. Хомяков

Мемориалы XXI века: смыслы, образы и средства выражения

В середине XIX века появились первые мемориально-музейные комплексы. С этого момента их создание всегда является крупным событием в архитектурной практике, но в последние годы проекты такого рода привлекают особое внимание. Такие мемориальные комплексы, как Яд ва-Шем в Иерусалиме, Мемориал жертвам холокоста в Берлине, Национальный музей и мемориал 11 сентября в Нью-Йорке вызывают у публики и медиа небывалый ранее интерес. Создание памятных пространств и их впечатляющие решения находят всё более активную поддержку, как власти, так и общества. Это вызвано во многом реакцией на процессы мультикультурализма, унификацию форм общественного сознания, неумолимого стирания культурной и исторической идентичности.

Растущее сопротивление этой тенденции резко повышает интерес к рассматриваемому типу общественных сооружений. Доказательством этому служит проведение за рубежом конкурсов на исторические музеи и мемориалы, выделение значительных бюджетов на создание мемориальных парков, исторических пространств и памятных обозначений. Показательно, что несмотря на частые сетования отечественных политологов о накопившейся в мировом социуме ментальной усталости от полувековой темы «1939 – 1945», многие проекты крупных мемориально-музейных комплексов посвящаются именно драматическим событиям Второй мировой войны.

Ярким представителем «камерного» мемориала, являющегося одновременно и знаком, и пространством, можно считать Памятник сожжённым книгам («Утонувшая библиотека») на Бабельплатц (бывшая Оперная площадь) в Берлине, созданный по конкурсному проекту-призеру израильского архитектора М. Ульмана (1993–1995). Главный смысл памятного послания – напоминание о brutальной пропагандистской акции нацистов: публичном сожжении книг во время многотысячной студенческой манифестации и факельного шествия ночью 10 мая 1933 года. Мемориал представляет собой пустое, заглублённое под землю кубическое помещение с рассеянной слабой подсветкой, пустыми книжными стеллажами вдоль стен и стеклянным потолком-окном, которое находится в уровне брусчатки площади. Основная информация содержится на помещенной рядом

бронзовой плите. Несмотря на минимальные габариты и эффект «отсутствия» в городском публичном пространстве, этот мемориал не оставляет равнодушным никого. Неожиданная форма решения драматичной темы (пустое пространство с пустыми полками), необычный ракурс восприятия (взгляд под землю), доступный масштаб считывания сквозь окно 1×1м, – всё это придает особый неповторимый оттенок объекту, ставшему, несмотря на незначительные размеры, одной из самых известных достопримечательностей Берлина¹ (рис. 1).

Рис.1. Памятник сожжённым книгам («утонувшая библиотека») на Бабельплатц в Берлине. Арх. М. Ульман, 1995 г.

Первая масштабная реализация этого ряда – постройка музея Второй мировой войны в Гданьске (2010–2017) по проекту польского бюро «КВАДРАТ», призера одноименного международного конкурса. Причиной успеха его авторов послужило отчасти то, что они сознательно отказались от «фигуративной» архитектуры. Их язык строго геометричен. Принадлежность городскому контексту

¹ Хомяков А.И. «Прусский пуризм» / Метафоры скупого рыцаря. О ренессансе берлинской архитектуры // Архитектурный вестник. – 2002. – №5. – С. 54.

отражает лишь цвет кирпичной стены, отсылающий к красному силуэту костела Девы Марии. Комплекс зрительно воспринимается как нечто «вне времени», т.е. способное оказаться современным и в далеком будущем. Наиболее выразительный компонент – наклонная доминанта («Башня») высотой 40,5 м, включающая в себя образовательный центр, библиотеку, научные отделы, ресторан. Башня – единственный эмоциональный жест, который маркирует и объединяет пространство мемориала и одновременно выражает тему войны. «Выставочное пространство помещено глубоко под землю, это зона “прошлого”, куда посетители долго спускаются, при этом настраиваясь на восприятие очень тяжелого, по определению, содержания. При этом их постоянно сопровождает луч солнечного света – подземную часть прорезает “ущелье”, главная ось комплекса, внешне предъявленная как остекленная полоса между двумя стенами из габионов. Габионы, наполненные битым камнем и кирпичом от гданьских руин военного времени, несут явное послание, прямое указание на преодоление катастрофы и строительство новой жизни. “Будущее” представлено смотровой площадкой на вершине асимметричной Башни, откуда открываются виды на возрожденный город. Обширная площадь вокруг музея – это настоящее время»² (рис. 2).

Рис. 2. Музей Второй мировой войны в Гданьске. Архбюро «КВАДРАТ», 2017 г.

² Фролова Н. Длинная тень войны. – URL: <https://archi.ru/world/75195/dlinnaya-ten-voiny>

Другой выразительный пример – мемориал жертвам Холокоста, созданный в Оттаве также в 2017 г. известным архитектором Даниэлем Либескиндом, мастером деконструктивизма, прославившимся на весь мир своим оригинальным подходом к проектированию. Сверху памятник напоминает очертания вытянутой звезды Давида – символа иудаизма. Бетонные плиты, которые образуют грани этой «звезды», организуют пространство внутри монумента, деля его на треугольные зоны. Из центральной зоны возвышается 14-метровая башня, между стенами которой есть лишь небольшой промежуток для входа; внутри пространства горит «Пламя Памяти». Еще один важный элемент центральной площади – «Лестница Надежды». Она прорезает наклонную стену и ведет к верхней террасе, выходящей на здания парламента Канады.

На бетонных стенах команда художников во главе с Уильямом Лазосом нарисовала подробные версии фотографий Буркинана, посвященных местам Холокоста. Вокруг монумента из каменных насыпей растут хвойные деревья, символизирующие «борьбу иммигрантов – тех, кто выжил, приехал в Канаду и внес свой вклад в развитие страны».

Памятник сочетает в себе архитектуру, искусство, ландшафт и создает постоянно изменяющееся взаимодействие с одной из самых темных глав человеческой истории, передавая мощное послание о прочной силе и воле к жизни человечества. По словам самого Либескинда, построившего этот мемориал, «Канада поддержала фундаментальные демократические ценности людей независимо от расы, класса или вероисповедания, и этот национальный памятник является выражением данных принципов и будущего»³ (рис. 3.).

³ https://www.architime.ru/news/daniel_libeskind/holocaust_memorial.htm#15.jpg

Рис. 3. Мемориал Холокоста в Монреале. Арх. Д. Либескинд, 2017 г.

Годом позже проводился лондонский конкурс на Мемориал Холокоста и музей Второй мировой войны. Для участия в его заключительной фазе авторитетное жюри выбрало десять финалистов. В него вошли такие архитектурные звезды, как Заха Хадид, Марта Шварц, Дэвид Аджаи и др. Предложенный для размещения комплекса прилегающий к Вестминстерскому дворцу участок предопределял проектное решение как преимущественно ландшафтное, предпочитающее размещение музейного пространства под землей. В силу этого проекты всех десяти команд оказались похожи: драматическое подземное пространство музея и образовательного центра с брутальными световыми проемами, наклонными стенами, контрастное пасторальному парковому окружению с умеренной геопластикой.

Наиболее впечатляющее решение было предсказуемо – предложение 3. Хадид: каменный скальный массив, имитирующий метеорит, врывается в мемориальный сквер, частично в него погружившись. «Метеориты, горы и камни часто находятся в центре памятных мест, особенно в еврейской традиции. Концепция нашего предложения основана на понимании того, что сильный простой жест обладает сильным визуальным и когнитивным воздействием. Вместе с тем

Мемориал Холокосту должен быть созерцательным и тихим, вызывать наше сочувствие. Метеорит – это обещание будущим поколениям, что эта страшная глава в истории человечества никогда не может повториться»⁴ (рис. 4).

Рис. 4. Лондонский Мемориал Холокоста и музей Второй мировой войны. Арх. З Хадид, 2018 г.

Российские архитекторы летом 2018 года также получили возможность высказаться на тему мемориала, наделенного целым рядом тематических особенностей, отличающих их от привычных коммерческих и социальных объектов. Тема мемориала, больше, чем любая иная, призывает к поиску сильного пространственного художественного жеста, способного выстраивать смысловые отношения ландшафта, объема и интерьера.

Конкурс на новое здание Музея обороны и блокады Ленинграда заинтересовал как известные архитектурные команды Москвы и Питера, так и искушенных зарубежных мастеров: в конкурсную комиссию поступило всего 24 заявки на участие из РФ и зарубежья. Из них экспертная комиссия выбрала десять: пять питерских, и по одной из Москвы, Германии, Финляндии, Норвегии и Испании⁵.

⁴ Садова П. Дань памяти. – URL: <https://archi.ru/world/72290/dan-pamyati>

⁵ Программа конкурса на здание Музея обороны и блокады Ленинграда. – URL: http://kgainfo.spb.ru/current_activities/gradostroitelnye-konkursy/konkurs_musei-oboroni-leningrada/

Опуская все организационные и процедурные аспекты этого события, не касаясь технических сторон работ, целесообразно выделить их сущностные стороны, которые позволят понять, обнаружить сегодня как общие тенденции в проектировании этого типа общественных сооружений, так и возможную судьбу данного мемориального музея.

По замыслам городского Комитета по градостроительству и архитектуры (КГА), комплекс планируется разместить в историческом центре города – на стрелке Невы, близ Смольного монастыря, на территории, которую сейчас занимают открытые пространства и зеленые насаждения. Комплекс должен включать музей, парк, зону временных выставок, научно-исследовательский институт памяти, общедоступные архив, библиотеку и фондохранилище. Новый музей обороны и блокады Ленинграда станет не только пространством экспозиции, но и центром изучения этого периода истории. Столь четкие и амбициозные планы города указывают на то, что мемориально-музейный комплекс к настоящему времени уже претерпел радикальные трансформации и существенно отличается от своих ранних предшественников. Несколько десятилетий назад подобные комплексы решались бы по-другому – в роли доминанты выступала бы монументальная скульптурная композиция, за которой следовали бы аскетических форм музейные пространства, а окружение ограничивалось автостоянками и туалетами. Сегодняшние ММК стремятся к интеграции основных мемориальных и экспозиционных пространств с сопутствующими музейными институциями, как исследовательскими, образовательными, публичными, так и рабочими. По существу, речь идет о рождении обширных комплексов, включающих в себя многие учреждения культуры, обеспечивающих в итоге совместной деятельности эффект синергии.

Из представленных на конкурс девяти работ, первую премию и право на реализацию получил проект питерского бюро «Студия 44». Игнорируя предложенные КГА планировочные ограничения, границы пятна застройки, архитекторы предлагают создать своего рода «мемориальный город». Помимо заданных программой функциональных помещений, помимо основной экспозиции, решенной в виде системы тематических блоков («Скорбь», «Огонь», «Голод», «Производство», «Быт», «Культура и наука»), проектом предлагаются: детская Школа искусств, отель и др. новые объекты, встроенные в тело искусственного холма-кургана и близ него (рис. 5). Этот проект лишен фигуративного компонента. В нем отсутствует выраженный,

навязчивый нарратив. Образный язык, принятый в проекте, опирается на умеренные и тактичные постмодернистские средства: колоннады, стои, пирамидальные тополя, террасы, что относит работу к категории скорее средовых, ландшафтных, чем объектных.

Рис. 5. Музей обороны и блокады Ленинграда. Архбюро «Студия 44», 2018 г.

Предложение «Студии 44» очевидно превосходит количеством смыслов и функций польскую работу, т.е. может рассматриваться как следующий шаг по отношению к хотя и прогрессивному, но уже возведенному сооружению.

Резюмируя этот краткий обзор, вобравший в себя далеко не полный перечень проектов и построек памятных объектов первых двух десятилетий XXI века, посвященных в основном испытаниям Второй мировой войны, можно отметить их обращение к новому архитектурно-художественному языку, вобравшему в себя ранее не сочетаемые средства и приемы. Адресованный будущему современный мемориально-музейный комплекс проектируется и строится по неким особым, до настоящего момента не сформулированным принципам. На смену неопределенным, эклектичным и брутальным формам недавнего прошлого пришли концептуальные и

поэтические решения. Декор заменили фактуры материалов и конструктивные детали. Вместо многословных композиций из бронзы и камня, пространных текстов появились скупые надписи, даты произошедших здесь событий и текстовые «посвящения». Недавно построенные как за рубежом, так и в нашей стране крупные и камерные мемориальные комплексы заставляют по-новому взглянуть на этот многомерный сплав объемов и пространств, ландшафтов, зданий и скульптур.

В настоящее время ММК от «реалистических» форм эволюционируют к амбивалентным и нейтральным по характеру выражения и содержания интерпретациям своего воплощения. Главными средством воздействия на зрителя становятся тонкая проникновенность, иносказательная интонация мемориального послания, лишенная брутальной адресности, прямолинейности и пафоса. Такими чертами обладает «абстрактная» минималистическая архитектура, воздействующая символом, метафорой и аллегорией.